

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Общеобразовательный предмет/ комплекс предметов: **Филологическая Олимпиада по комплексу предметов (русский язык, литература, иностранные языки)**

2011-2012 учебный год

Задание Олимпиады школьников Санкт-Петербургского государственного университета.

Филологическая Олимпиада по комплексу предметов (русский язык, литература, иностранные языки)

Текст к Олимпиадным заданиям.

В 2012 году исполняется 200 лет со дня рождения великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова, и именно этому юбилею посвящена нынешняя филологическая олимпиада. Участникам олимпиады предстоит выполнить задания, связанные с всемирно известным романом «Обломов». В предлагаемом фрагменте впервые вводится ключевой для смысловой структуры произведения концепт – «обломовщина».

ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА
И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»
(Часть вторая, глава IV)

Обломов вдруг смолк.

— Да вот я кончу только... план... — сказал он. — Да Бог с ними! — с досадой прибавил потом. — Я их не трогаю, ничего не ищю; я только не вижу нормальной жизни в этом. Нет, это не жизнь, а искажение нормы, идеала жизни, который указала природа целью человеку...

— Какой же это идеал, норма жизни?

Обломов не отвечал.

— Ну скажи мне, какую бы ты начертал себе жизнь? — продолжал спрашивать Штольц.

— Я уж начертал.

— Что ж это такое? Расскажи, пожалуйста, как?

— Как? — сказал Обломов, перевертываясь на спину и глядя в потолок. — Да как! Уехал бы в деревню.

— Что ж тебе мешает?

— План не кончен. Потом я бы уехал не один, а с женой...

<...>

— Ну хорошо; что ж бы ты стал делать?

— Ну, приехал бы я в новый, покойно устроенный дом... В окрестности жили бы хорошие соседи, ты, например... Да нет, ты не усидишь на одном месте...

— А ты разве усидел бы всегда? Никуда бы не поехал?

— Ни за что!

<...>

— Продолжай же дорисовывать мне идеал твоей жизни... Ну, добрые приятели вокруг; что ж дальше? Как бы ты проводил дни свои?

— Ну вот, встал бы утром, — начал Обломов, подкладывая руки под затылок, и по лицу разлилось выражение покоя: он мысленно был уже в деревне. — Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, — говорил он, — одна сторона дома в плане обращена у меня балконом на восток, к саду, к полям, другая — к деревне. В ожидании, пока проснется жена, я надел бы шлафрок и походил по саду подышать утренними испарениями; там уж нашел бы я садовника, поливали бы вместе цветы, подстригали кусты, деревья. Я составляю букет для жены. Потом иду в ванну или в реку купаться, возвращаюсь — балкон уже открыт; жена в блузе, в легком чепчике, который чуть-чуть держится, того и гляди слетит с головы... Она ждет меня. «Чай готов», — говорит она. Какой поцелуй! Какой чай! Какое покойное кресло! Сажусь около стола; на нем сухари, сливки, свежее масло...

— Потом?

— Потом, надев просторный сюртук или куртку какую-нибудь, обняв жену за талию, углубиться с ней в бесконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать, считать минуты счастья, как биение пульса; слушать, как сердце бьется и замирает; искать в природе сочувствия... и незаметно выйти к речке, к полю... Река чуть плещет; колосья волнуются от ветерка, жара... сесть в лодку, жена правит, едва поднимает весло...

— Да ты поэт, Илья! — перебил Штольц.

— Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно людям исказить ее! Потом можно зайти в оранжерею, — продолжал Обломов, сам упиваясь идеалом нарисованного счастья.

Он извлекал из воображения готовые, давно уже нарисованные им картины и оттого говорил с одушевлением, не останавливаясь.

— Посмотреть персики, виноград, — говорил он, — сказать, что подать к столу, потом воротиться, слегка позавтракать и ждать гостей... А тут то записка к жене от какой-нибудь Марьи Петровны, с книгой, с нотами, то прислали ананас в подарок или у самого в парнике созрел чудовищный арбуз — пошлешь доброму приятелю к завтрашнему обеду и сам туда отправишься... А на кухне в это время так и кипит; повар в белом как снег фартуке и колпаке суетится; поставит одну кастрюлю, снимет другую, там помешает, тут начнет валять тесто, там выплеснет воду... ножи так и стучат... крошат зелень... там вертят мороженое... До обеда приятно заглянуть в кухню, открыть кастрюлю, понюхать, посмотреть, как свертывают пирожки, сбивают сливки. Потом лечь на кушетку; жена вслух читает что-нибудь новое; мы останавливаемся, спорим... Но гости едут, например ты с женой.

— Ба, ты и меня женишь?

— Непременно! Еще два-три приятеля, всё одни и те же лица. Начнем вчерашний, неконченный разговор; пойдут шутки или наступит красноречивое молчание, задумчивость — не от потери места, не от сенатского дела, а от полноты удовлетворенных желаний, раздумье наслаждения... Не услышишь филиппики с пеной на губах отсутствующему, не заметишь брошенного на тебя взгляда с обещанием и тебе того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорош, с тем не обмакнешь хлеба в солонку. В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, незлобный смех... Всё по душе! Что в глазах, в словах, то и на сердце! После обеда мokka, гавана на террасе...

<...>

— Сыро в поле, — заключил Обломов, — темно; туман, как опрокинутое море, висит над рожью; лошади вздрагивают плечом и бьют копытами: пора домой. В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... «Casta diva... Casta diva!» — запел Обломов. — Не могу равнодушно вспомнить «Casta diva», — сказал он, пропев начало каватины, — как выплакивает сердце эта женщина! Какая грусть заложена в эти звуки!.. И никто не знает ничего вокруг... Она одна... Тайна тяготит ее; она вверяет ее луне...

— Ты любишь эту арию? Я очень рад: ее прекрасно поет Ольга Ильинская. Я познакомлю тебя — вот голос, вот пение! Да и сама она что за очаровательное дитя! Впрочем, может быть, я пристрастно сужу: у меня к ней слабость... Однако ж не отвлекайся, не отвлекайся, — прибавил Штольц, — рассказывай!

— Ну, — продолжал Обломов, — что еще?.. Да тут и всё!.. Гости расходятся по флигелям, по павильонам; а завтра разберлись: кто удить, кто с ружьем, а кто так, просто, сидит себе...

— Просто, ничего в руках? — спросил Штольц.

— Чего тебе надо? Ну, носовой платок, пожалуй. Что ж, тебе не хотелось бы так пожить? — спросил Обломов. — А? Это не жизнь?

— И весь век так? — спросил Штольц.

— До седых волос, до гробовой доски. Это жизнь!

— Нет, это не жизнь!

— Как не жизнь? Чего тут нет? Ты подумай, что ты не увидел бы ни одного бледного, страдальческого лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенате, о бирже, об акциях, о докладах, о приеме у министра, о чинах, о прибавке столовых денег. А всё разговоры по душе! Тебе никогда не понадобилось бы переезжать с квартиры — уж это одно чего стоит! И это не жизнь?

— Это не жизнь! — упрямо повторил Штольц.

— Что ж это, по-твоему?

— Это... (Штольц задумался и искал, как назвать эту жизнь.) Какая-то... обломовщина, — сказал он наконец.

— О-бло-мовщина! — медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. — Об-ло-мов-щина!

Он странно и пристально глядел на Штольца.

— Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? — без увлечения, робко спросил он. — Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю? Помилуй! — прибавил он смелее. — Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?

Литература.

1. В приведенном отрывке Штольц называет Обломова поэтом. Перечислите жанры русской поэзии, на которые ориентировано данное описание идеальной семейной жизни. Укажите, в каких характеристиках героев, художественного мира (пространства и времени), языка и стиля проявляется влияние каждого из этих жанров на процитированный фрагмент из романа «Обломов». (4 балла)

огромное большинство людей, его презирающих. Он дорог нам по истине, какую проникнуто все его создание, по тысяче корней, которыми поэт-художник связал его с нашей родной почвою. И наконец, он любезен нам как чудак, который в нашу эпоху себялюбия, ухищрений и неправды мирно покончил свой век, не обидевши ни одного человека, не обманувши ни одного человека и не научивши ни одного человека чему-нибудь скверному...»

(*Дружинин А. В. «"Обломов"», роман И. А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859» (1859)*).

«И точно, что нужно Емеле или другому герою родных наших сказок для полного счастья? Меду и молока вволю, красную шапку да красные сапоги, возможность совершать все отправления жизни, не слезая с печи, да сверх того красивую бабу. Обломов больше развит, и потому идеал его гораздо сложнее, но если внимательно сверить его с идеалом Емели, то едва ли окажется какое-нибудь существенное различие. Обломов не раз, и подробно, рассказывает о том, что нужно ему для полного счастья, и рассказы его согреты таким поэтическим жаром, что даже сам Штольц, этот истинный враг обломовщины, приходит в восторг; но что лежит в основе этой поэзии, чем она дышит и к чему возвращается постоянно? Вглядитесь внимательнее, и вы увидите в центре всей ее сложной обстановки то же лежание на боку, те же радости брюха и в довершение всего ту же красивую бабу. О чем бы ни говорил наш Обломов, описывая свою Аркадию, он постоянно вернется или на кухню, или к жене красавице, или к обеду, завтраку, ужину, чаю, или в постель, где ждет его богатырский сон...»

(*Ахшарумов Н. Д. «"Обломов"». Роман И. Гончарова. СПб., 1859» (1860)*).

«"Обломов" — страшная сатира. Но Гончаров, изображая ее, не чувствовал себя сатириком. Для сознательной сатиры нужен пафос или хоть лиризм отрицания, ненависти, смеха. У Гончарова для всей описываемой им жизни была только симпатия и любовь... "Может быть, — пишет он ("Лучше поздно, чем никогда"), — мои лица кажутся другим не такими, как я понимал их... потому еще, что в них сквозит много близкого и родного автору и заметно пробивается кровная любовь к ним".

Гончаров скромничал: он должен был бы хорошо знать, что большинство выведенных им лиц отличаются поразительной рельефностью. Он приписывает это своей любви к изображаемому быту и говорит далее о том, что такая любовь к изображаемому необходима всякому художнику. В пример он приводит, между прочим, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина. Но Гоголь, консерватор и крепостник в холодной мысли, чувствовал пламенную ненависть к порокам тогдашней России. Он сознательно высмеивал их в лице своих героев. Тургенев еще более сознательно отрицал уже крепостное право, отдавая свои мягкие симпатии угнетенной стороне. Щедрин прямо ненавидел Пошехонье с его Головлевыми...

У Гончарова другое: он любит именно то самое, что огромный талант мог ему изобразить с такой бессознательно сатирической силой. <...> Он, конечно, мысленно отрицал "обломовщину", но внутренне любил ее бессознательно глубокой любовью. При всем ужасе, который во всяком живом человеке возбуждает картина обломовского сна, — откуда-то из глубины души незаметно просачивается баюкающая струйка, лениво ласкающая, тихо манящая: "Эх, попасть бы вот этак же..." И такая же бессознательная враждебность к слишком резким звукам, нарушающим тяжелое благодущие этого "покоя, близкого к смерти"...

Русский язык

I. Вопросы правописания

Корень –СИД- (*Да нет, ты не усидишь на одном месте...*), как правило, не включают в перечень корней с чередующимися гласными (таких, как –кас-/кос-, -равн-/ровн- и т.п.). Докажите, что его также можно отнести к такого рода корням: приведите однокоренные слова с разными гласными, сформулируйте правило написания гласной в этом корне.

II. Значение и происхождение слов

1. Прочитайте следующие отрывки из текста и обратите внимание на выделенные курсивом слова.

В ожидании, пока проснется жена, я надел бы *шлафрок* и походил по саду подышать утренними испарениями...

Не услышишь *филиппики* с пеной на губах отсутствующему, не подметишь брошенного на тебя взгляда с обещанием и тебе того же, чуть выйдешь за дверь...

После обеда *мокка, гавана* на террасе...

Какое(-ие) из выделенных курсивом слово (слов)

1) заимствовано из немецкого языка, дайте его широко распространенный синоним тюркско-арабского происхождения:

2) служит в современном русском языке названием породы кошек:

3) употребляется в современном русском языке в иной грамматической форме (укажите эту форму):

4) приобрело статус литературоведческого термина:

5) обозначало(-и) в эпоху Гончарова названия оттенков коричневого цвета?

6) Объясните, в каком значении употреблены 2 слова в последнем примере:

2. В современных морфемных словарях слово *пристальный* (*Он странно и ПРИСТАЛЬНО глядел на Штольца*) трактуется как непроизводное. Этимологи полагают, однако, что при образовании этого слова мы можем наблюдать то же развитие значения, что и при образовании слов *цепкий, липкий*. От какого слова и с помощью какого средства в таком случае произведено слово *пристальный*? Приведите примеры аналогично образованных прилагательных.

III. Лексические загадки

Прочитайте следующие отрывки из текста и объясните значение выделенных курсивом слов.

1) Ты подумай, что ты не увидал бы ни одного бледного, страдальческого лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенате, о бирже, об акциях, о докладах, о приеме у министра, о чинах, о прибавке *столовых* денег.

Укажите значение существительного, от которого образовано прилагательное. Употребляется ли существительное в этом значении в современном русском языке (ответ подтвердите примерами):

- 2) Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не *выделка* покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?

С какими словами сочетается выделенное существительное (приведите примеры).

Приведите фразеологизм с данным словом, дайте его значение.

IV. Грамматика

Какое из выделенных в следующем отрывке сочетаний не соответствует грамматическим нормам современного русского языка? Сформулируйте соответствующее правило.

— Сыро в поле, — заключил Обломов, — темно; туман, как опрокинутое море, висит над рожью; лошади *вздрагивают плечом и бьют копытами*: пора домой. В доме уж засветились огни; *на кухне стучат в пятеро ножей*; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... «Castadiva... Castadiva!» — запел Обломов. — Не могу равнодушно вспомнить «Castadiva», — сказал он, пропев начало каватины, — *как выплакивает сердце эта женщина!* Какая грусть заложена в эти звуки!.. И никто не знает ничего вокруг... Она одна...

V. Синтаксис и морфология

1. Наречие *ВСЕГДА* имеет значение 'во всякое время, постоянно'. Какими характеристиками должен обладать глагол, сочетающийся с этим наречием? Прокомментируйте особенности его употребления в следующем примере:

— А ты разве усидел бы *всегда*? Никуда бы не поехал?

2. Дайте полную характеристику выделенного курсивом предложения. Какой частью речи является слово *ВОЛЬНО*? Поставьте в нем ударение. Каким синонимом его можно заменить?

— Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. *Вольно* людям *искажать ее!*

Мы уверены, что вы хорошо знаете значение этих устойчивых выражений и сферу и использования. Приведите минимальный контекст, раскрывающий их значение и особенности употребления.

1. _____

2.

3. _____

4.

5.